

Муратова Ирина Анатольевна

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

В статье показаны значение телесного фактора в культуре постмодерна, инструментальная направленность тела, особенность его семиотизации, серийность и сопутствующая данным процессам симулятивность. Рассмотрено влияние технологического фактора и потери идентичности на телесность современного человека. Обозначенные концепты открывают новые перспективы исследования для современной теории имиджа человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 143-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**ORTHODOX CHURCH AND ZEMSTVO PARTICIPATION
IN PRIMARY PUBLIC EDUCATION FORMATION IN RUSSIAN PROVINCE IN THE 1860S**

Ol'ga Al'bertovna Monyakova, Ph. D. in History
*Center of Regional Casual History Study
Shuya State Pedagogical University
museum-kovrov@mail.ru*

The author, for the first time in the national historiography, carries out the comparative analysis of the relationships between the provincial structures of the Russian Orthodox Church and zemstvo self-government bodies in the process of primary education organization, determines the character of these relationships, reveals the extent of their influence on the effectiveness of educational process during the first five years of zemstvos functioning, when they were still formulating the basic directions of their activity in the field of public enlightenment, and conducts the analysis by the materials of Upper Volga region provinces.

Key words and phrases: parochial school; primary college; primary public education; zemstvo; Russian Orthodox Church; Ministry of Public Enlightenment; rivalry.

УДК 130

Философские науки

В статье показаны значение телесного фактора в культуре постмодерна, инструментальная направленность тела, особенность его семиотизации, серийность и сопутствующая данным процессам симулятивность. Рассмотрено влияние технологического фактора и потери идентичности на телесность современного человека. Обозначенные концепты открывают новые перспективы исследования для современной теории имиджа человека.

Ключевые слова и фразы: постмодерн; телесность; телоцентризм; имиджмейкинг; семиотизация; отчуждение тела; шизоидность; кризис идентичности; патология телесности.

Ирина Анатольевна Муратова

Кафедра гуманитарных и социальных наук

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

irina_muratova_81@mail.ru

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА®

Многозначность понятия «постмодерн» трудно вмещается в какое-либо одно определение, но, в самом широком аспекте, оно обозначает культурную эпоху, новый исторический этап в развитии западной и мировой культуры, указывает на исчерпанность так называемого модерн-проекта (Ю. Хабермас).

Определяющую роль в формировании особенностей культуры постмодерна играет фактор телесности. В процессе познания человеком XX века самого себя, мир стал пониматься как сконструированный по образу и подобию тела, посредством форм желания – сексуальности и языка [6]. Идея безусловного приоритета внутреннего, духовного в человеке потеряла свою актуальность, уступив место телесности, аффекту, сексуальности, желанию. Соматизация, обозначенная Г. Л. Тульчинским как Телоцентризм, достигла крайних пределов своего развития [12, с. 35]. В границах постмодернизма различные проявления телесности, начиная с сексуальности и заканчивая формированием внешнего образа, интерпретируются как проявление субъективности, автономности, как величайший дар, который дала человеку природа.

Понимание «телесности» тождественно определению В. И. Даля как «состояние тела», вызванное социокультурными детерминантами. Как уточняет И. М. Быховская, телесность - характеристика, «возникающая на пересечении природного тела и социокультурного, объединяет и материализованные, объективированные последствия этого “пересечения”, и те качества–“знаки” которыми сам объект не обладает, но которые приданы ему сообществом (символизация тела)» [2, с. 107].

Умение использовать телесность в семиотическом аспекте приобрело особую актуальность и стало популярным практически во всех сферах социальной жизни. К концу XX века особо популярным становится целенаправленное формирование системы телесных знаков, способных создать определенное мнение о человеке - его имидж [10; 11]. Сегодня выражение «формировать имидж» предполагает целенаправленное конструирование телесного знака: подбор фасона одежды, который может свидетельствовать о таких качествах, как маскулинность или феминность; цвет, который создаёт впечатление о наличии определенных черт характера, например, серый – пунктуальность, тёмно-синий - деловитость, красный – агрессивность. Возникла целая индустрия имиджмейкерства, целью которой стало создание разного рода имиджей: политиков, бизнесменов, актеров, певцов и т.д. В современном имиджмейкерстве используются все аспекты телесности: походка, осанка, взгляд, наклон головы, рукопожатие, речь и т.д.

Семиотизации телесности в культуре постмодерна отлична от предыдущих эпох. Она приобретает открытость, множественность смысла и всё большую симулятивность. Происходит переход от знаковой телесности, имеющей заданную структуру и чёткие предписания, к телесности, представляющей собой механическое или произвольное сочетание разнородных стилевых элементов и характеризующейся общедоступностью, т.е. разрушением имеющихся прежде границ.

В рамках данного дискурса имплицитно присутствует мысль о том, что отношение человека к самому себе как существу телесному фактически является базовым и становится составной частью процессов, связанных с личной самооценкой и принятием человеком жизненно важных решений.

Это обстоятельство сближает постмодернизм с архаическими культурами, в которых тело человека трактовалось как равноправный элемент в единой системе с другими атрибутами человеческого бытия, что определяло и соответствующие аксиологические установки и телесные практики. Идея связи макрокосмоса – мироздания и микрокосмоса – человека была весьма характерной для древних восточных систем мысли и мифологии разных народов.

Идея толкования человека как малого элемента громадного устройства вновь возрождается в лоне современной эпохи, которая формирует «человека – массы», а затем в эпохе постмодерна – «медикализованное тело». Меняются только системы координат: Космос – Индустрия – Технологии. Данный процесс начался с массового производства товаров, в том числе и тех предметов, которые участвуют в оформлении внешнего образа человека. Образовалось симулятивное пространство телесности, обозначенное Ж. Бодрийяром как серийность, которую он описал следующим образом: «произвольность знака появляется тогда, когда, вместо того чтобы связывать двух лиц узлами неразрывной взаимности, он начинает в качестве означающего отсылать к расколдованному миру означаемого, общему знаменателю реального мира, которому никто ничем не обязан» [1, с. 114]. Серийность – это своеобразный переход от ограниченного числа знаков, к массовому распространению знаков согласно спросу.

Пришедший на смену индустриальной революции век компьютеризации вновь подчиняет человеческую телесность общему Закону – глобальной Сети. Человеческое тело или отождествляется с компьютером, или трактуется как лишённое протяженности, становясь «телом без пространства», что аналогично процессам сканирования людей, когда их превращают в экранно-виртуальные образы.

Возрастание социальной зависимости «человека телесного» от социума, всё большее его социальное «порабощение», усиление социального контроля породили новую проблему, обозначенную Ж. Бодрийяром как проблема исчезновения Реального и удушения всего Натурального [2]. Природное тело как таковое перестало существовать, оно стало производным от экономики, политики, науки, спорта и т.д. Тело в постмодерне – это тело «паникующее», «агонизирующее», «исчезающее» (Ж. Бодрийяр, А. М. Крокер и др.). Свою телесность современный человек всё больше ориентирует на инструментальную направленность. Тело становится своеобразным механизмом получения выгоды, достижения карьерных и личностных целей. Отсюда и востребованность в имиджмейкерстве как практике формирования требуемого имиджа. Тело воспринимается как капитал.

Такая ориентация на потребительское отношение к телесности провоцирует все большее разделение, отчуждение тела от индивида. Навязчивая мысль об объективности и продуктивности телесности отрицает живое тело; оно подавляет телесную чувствительность и экспрессивность. Фокусированность внимания на количественных характеристиках тела приводит к уничтожению его свободы, эмоциональной радости, коммуникативной выразительности.

Исследователи в области психологии и специалисты по телесно-ориентированной терапии отмечают, что разделенность личности человека с собственным естественным телом – это основная причина шизоидности. Когда «фасад» разрушен, человек начинает примерять на себя иные образы – имиджи, что ведёт к кризису идентичности, к расщеплению «Я» и «тела». Именно такое расщепление А. Лоуэн называет шизоидным отклонением, лежащим в основе проблемы идентификации личности [8, с. 7].

Шизоидное отклонение вызвано отрывом образа – имиджа – от реальности. Человек, принимая на себя подобный имидж, принижает жизнь естественной телесности, отводя ей вспомогательную роль. Тело попадает в услужение имиджа и становится инструментом воли. Образ приобретает реальность, когда объединяется с чувством или ощущением. Если это единство нарушено, он становится абстрактным. Различие между образом и реальностью наиболее явно проявляется у шизофреников, страдающих бредом (*delusional schizophrenics*).

Исходя из онтогенетических, психологических, культурно-традиционных истоков, собственное тело, телесность является тем, через что и чем «я существую». Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти называют тело осью и центром «моего мира» и мира вообще [14]. Чувство отождествленности вытекает из чувствования контакта со своим телом. Для того чтобы знать, кто он есть, человеку необходимо осознавать, что он чувствует своим телом. Как пишет Л. А. Мясникова: «У тела свой опыт. Он и психологичен, он же и телесен одновременно. Кожа помнит прохладу утра или тепло солнца, шероховатость и мягкость мха, гладкость и твердость камня; глаза – яркий свет, нежные переливы цвета, непроглядную тьму, молочно-серый туманный мрак; ухо – нежный или резкий звук, мелодию, пение птиц, скрип телеги; язык – вкус лимона или земляники и т.д. Опыт тела живет во мне, я им и через него живу и, опираясь на него, подтверждая или опровергая его, ощущаю, что “я существую”, “я живу”...» [9, с. 16].

Фрагментарность, потеря Центра – идентичности – для человека оборачивается катастрофой, уничтожает «живую энергию смысла» человеческой телесности. Телесность становится искусственной, мёртвой, шизоидной, а сам человек, по словам Ж. Деррида, «подобен архитектуре мёртвого или пораженного города,

сведенного к своему остову какой-нибудь природной или искусственной катастрофой... Это город с приведениями смысла и культуры». Исходя из позиции отрицания центра и структурности, Ж. Деррида обозначает сознание такого человека как «катастрофическое, деструктурирующее» [3, с. 42].

Таким образом, позиция телоцентризма, превращает человека постмодерна в энергетический посредник, маленький аккумулятор в мире «больших энергий».

Следует заметить, в соматической модели постмодерна выражены не только черты архаических культур, но и эпохи античности и Возрождения, так как по своему духу и мировоззрению они являются чувственно-материальными культурами, где телесный фактор занимает центральное место. Как в лоне античной культуры телесность была одним из ведущих объектов анализа, размышлений, оценок, в самых разных аспектах – онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, праксеологическом, – так и в философии постмодернизма наблюдается повышенный интерес к этой теме. Как отмечает Г. Л. Тульчинский, «телоцентрическая парадигма открыла возможность рассматривать границы онтологии тела, феноменологию коммунальной телесности, анатомию покойной мысли, женское тело как предмет и способ философствования, философию святости и телесности, кенозис как самоистощение, осознание мысли, философию раны и крови, философию пощечины, семантику плевок, канибализм и фекализацию культуры» [12, с. 37].

Общим для эпохи античности и постмодерна является то, что телесность в их рефлексии выступает как ценностно-значимая характеристика человеческого бытия. Она является предметом исследования и занимает заметное место в философско-мировоззренческих системах; ею восхищаются и преобразуют в эстетических практиках, в художественном творчестве, в различных образовательных программах и практиках социализации.

С другой стороны, античность возвышает, возвеличивает человека, а архаическая и постмодернистская культуры делают его тотально зависимым и обусловленным от внешних сил. Причиной такого разделения является то, что античная трактовка телесного всегда была этически обусловлена, взаимосвязана с понятиями «истины», «блага», «добродетели» и т.д. Анализируя эстетику Платона, А. Ф. Лосев приходит к заключению, что основными эстетическими принципами античного космологизма являлись свет, любовь, пластическая фигурность. Так, свет – то, что видимо, понимаемо телесно, представляет собой «прекрасное» и «разумное», поэтому, согласно Платону, являет собой благо и добродетель, а любовь связана с идеей красоты есть всеобщий закон для осмысления мира [7, с. 254]. Его обозначение мира идей и мира вещей указывает на существование духовного и телесного начал, внутреннего и внешнего, которые несопоставимы и неравноценны, но и не противостоят друг другу. Платон восхищается человеческим телом, определяя его как начальный этап духовного возрастания. Но даже самое идеальное тело должно оцениваться как явление вторичное, производное от духа [Там же, с. 210]. Аристотель признает феномен тела как одну из высших ценностей, а главное его предназначение он видит в выполнении рабочей функции, так как на основе его чувственного опыта транслируется информация, необходимая для жизнедеятельности духа. Их союз напоминает союз господина и раба, объединившись, душа и тело могут достигнуть определенной цели, не достижимой поодиночке [2].

В постмодернизме данные принципы восприятия телесного перестают работать. Возникает утрата границы «материи» и «идеи», утрата культурой Слова как доминанты: «на место Слова встало Тело, культура перестала быть логоцентричной и оказалась телоцентричной». Поэтому постмодернизм можно интерпретировать как пик развития телесно-ориентированных представлений и практик, где «только импульс и удовольствие реальны и только на них опирается жизнь»; что «разум – враг, а желание тела – истина», что «объективное сознание обманывает, и только эмоция имеет смысл» [5, с. 4-8].

Как отмечает Фуко в «Истории сексуальности», понятие «телесность» в постмодернизме сформировалось в качестве своеобразной антитезы понятию духовности. Посредством данной категории современный человек переместился за пределы трансцендентальной субъективности в пространство чувственности, сексуальности, либидозной энергетики. «Постмодернизм выдвинул сексуальность телесности на место духовности классической философии и христианского богословия. Она осмысливается в качестве основного компонента бытия и сознания человека, основного двигателя всей интеллектуально-чувственной деятельности, главного посредника между человеком и миром» [13, с. 211].

Телесность эпохи постмодерна не только утрачивает принципы единства, гармонии, меры, пропорции, упорядоченности, более того она начинает испытывать на себе проблему цельности, кризис идентичности. Как замечает А. Дугин, на место человека приходит постчеловек, вместо общества возникает постобщество, а те представления о теле человека и связанные с ним практики, которые с таким трудом формировались в предыдущие эпохи, разлагаются самым причудливым образом и рекомбинируются в новые модели [4]. Такое постобщество состоит из разрозненных, отчужденных, фрагментарных индивидуумов, которые в совокупности вообще не порождают никакого единства – ни естественного, ни искусственного. В нем преобладает принцип гетерогенности – рядом могут находиться самые различные по основным социальным и личностным характеристикам люди.

На потерю идентичности оказывает влияние и технологический фактор, в частности, влияние современных СМИ и шоу-бизнеса. Это влияние сделало мышление отрывочным и «клиповым» – влияние, замещающее осмысленную работу сознания чередованием случайных и, как правило, преднамеренно навязываемых имиджей. Отсутствие цельности, личной программы, заикления в второстепенных пустяках, совокупности абсолютно абсурдных и разрозненных действий и сообщений, приводящих всякий раз к определенному частному успеху – описание «героя» нашего времени в кинематографе [Там же].

Таким образом, систематика уродливой и патологической телесности становится вполне надежной основой в контексте культуры постмодерна. В таком хаотичном пространстве фрагментарности телесность

выступает как единственный способ преодоления обозначенного кризиса. Повышенное внимание к собственному телу является начальным этапом формирования отношения к себе как личности. Для нашего современника осуществление самоидентификации на индивидуальном уровне оказывается проблематичным, тогда как фактор телесности остается единственным способом конструирования персональной идентичности.

Список литературы

1. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
2. **Быховская И. М.** «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 208 с.
3. **Деррида Ж.** Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2007. 496 с.
4. **Дугин А.** Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
5. **Золотонос М.** Телоцентризм // Вечный Петербург. 1996. № 68. С. 4-8.
6. **Кузнецов В. Н.** Французская буржуазная философия XX в. М., 1970. 289 с.
7. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.
8. **Лоуэн А.** Предательство тела. М.: Деловая книга, 1999. 356 с.
9. **Мясникова Л. А.** Тайна и смысл индивидуального бытия. Екатеринбург, 1993. 128 с.
10. **Новейший философский словарь.** Изд-е 3-е, испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 586 с.
11. **Новый энциклопедический словарь.** М.: Большая российская энциклопедия; Рипол-классик, 2004. 426 с.
12. **Тульчинский Г. Л.** Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 35-53.
13. **Фуко М.** Использование удовольствий. История сексуальности / пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2. 432 с.
14. **Merleau-Ponty M.** Le visible et l'invisible, univ. de notes de travail. P.: Gallimard, 1964.

CORPOREALITY AS DOMINANT OF POST ART NOUVEAU CULTURE

Irina Anatol'evna Muratova

*Department of Classical and Social Sciences
Tyumen' State University of Architecture and Civil Engineering
irina_muratova_81@mail.ru*

The author shows corporal factor significance in post art nouveau culture, body instrumental orientation, its semiotization features, seriation and simulation, related to these processes, considers the influence of technological factor and identity loss on a modern man's corporeality, and tells that the mentioned concepts open new perspectives for the research of human image modern theory.

Key words and phrases: post art nouveau; corporeality; body centrism; image making; semiotization; body alienation; schizoid disorder; identity crisis; pathology of body centrism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье определяются нижняя и верхняя временные границы исторического существования государства Орда (Улус Джучи). Анализу подвергаются ряд факторов, позволяющих по-разному интерпретировать целостность государства. Доказывается, что нижней границей существования Орды следует считать 1242 г. – время, с которого Орда фактически становится независимым государством. Верхняя граница существования Орды определяется не распадом Орды на Золотую Орду и Большую Орду, а фактом прекращения существования Орды в 1502 г.

Ключевые слова и фразы: Улус Джучи; Большая Орда; Золотая Орда; термин «орда»; названия государства в источниках.

Ильгиз Ильдарович Назипов

*Кафедра правовых дисциплин
Пермский финансово-экономический институт
nazipoff@mail.ru*

**ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА ОРДА
И РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ[©]**

Период истории государства Орда (или Улус Джучи) в историографии имеет неоднозначные границы, несмотря на то, что это одно из немногих государств в мире, которое появилось после теоретического